

RU

Хронотоп границы в повести А. Н. Толстого «Гадюка»

Анисимова А. Н., Ефремова Ю. И.

Аннотация. Статья посвящена анализу повести А. Н. Толстого «Гадюка» (1928). Цель исследования – раскрыть особенности хронотопа границы произведения. Научная новизна работы заключается в том, что, несмотря на интерес к повести, которая рассматривалась через героико-агиографические топосы, с гендерных позиций, через тему любви, остались аспекты, которые недостаточно изучены, в частности, авторы впервые выявляют типы хронотопа границы данного произведения. Полученные результаты показали, что наиболее яркими и важными становятся хронотопические ценности разных степеней и объемов, такие как экзистенциальная, социальная, личностная и гендерная границы. Героиня повести преодолевает данные пороги, проходя процесс инициации и принося жертвы, связанные с потерей дома, родителей, любви, свободы, самоидентичности, человеческой сущности. Писатель выявляет оппозицию «Я» – «Другой», ассоциируя ее с оппозицией человеческого – животного и демонстрируя доминирование второго начала в переломный для страны момент разрушения старого и становления нового порядка. Основными функциями хронотопа границы данного произведения являются сюжетобразующая, пространственная, психологическая и интегрирующая.

EN

Chronotope of the border in the story of A. N. Tolstoy "The Viper"

A. N. Anisimova, Y. I. Efremova

Abstract. The article is devoted to the analysis of the novel by A. N. Tolstoy "The Viper" (1928). The purpose of the study is to reveal the features of the chronotope of the boundary of the work. The scientific novelty of this work lies in the fact that despite the focus on the story, which was explored through the heroic events of the civil war and hagiographic elements, there were aspects that were not fully explored from a gender perspective and through the theme of love. In particular, the authors have identified for the first time the types of chronotope boundaries in this work. The results showed that chronotopic values of various degrees and volumes, such as existential, social, personal and gender boundaries, become the most striking and important. The heroine of the story overcomes these thresholds, going through the initiation process and making sacrifices associated with the loss of home, parents, love, freedom, self-identity, human essence. The writer identifies the opposition of the "I" – "Other", associating it with the opposition of the human – animal and demonstrating the dominance of the second principle at a crucial moment for the country of the destruction of the old order and the formation of a new one. The main functions of the chronotope of the boundaries of this work are plot-forming, spatial, psychological and integrating.

Введение

Актуальность исследования категории пространства-времени объясняется устойчивым интересом в силу разных причин. Во-первых, хронотоп является неотъемлемым компонентом поэтики художественного текста и индивидуально-авторской картины мира, определяя особенности метода и стиля писателя. Во-вторых, изучение хронотопа границы позволяет углубить интерпретацию и восприятие произведений и понять их структуру и содержание более детально.

Цель исследования определила постановку следующих задач: выявить и проанализировать типы хронотопа границы в повести, рассмотреть их художественные функции.

Объектом нашего исследования является хронотоп границы, предметом – типы хронотопа границы в повести А. Н. Толстого «Гадюка».

В соответствии с целью и задачами исследования в работе были использованы следующие методы: структурно-типологический (при анализе пространственно-временной организации повести) и культурно-исторический (при рассмотрении событий повести описываемого времени).

Для анализа хронотопа границы была взята повесть «Гадюка» А. Н. Толстого:

- Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 4. Эмигранты. Гиперболоид инженера Гарина.

Теоретическую базу составляет ряд фундаментальных исследовательских работ, посвященных рассмотрению таких понятий, как «художественное пространство», «хронотопический образ», «хронотоп границы»: это классические труды М. М. Бахтина (1986), Ю. М. Лотмана (1996), Р. А. Зобова, А. М. Мостепаненко (1974), работы современных исследователей – Н. Т. Рымаря (2004; 2016), М. В. Андриющенко (2019), А. С. Поршневой (2015), А. Н. Беларева (2019), Г. А. Фроловой (2018), А. Н. Ушаковой (2022), О. Ю. Осьмухиной, Е. П. Овсянниковой (2024).

Так, М. М. Бахтин под хронотопом понимал «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» (1986, с. 176). Ю. М. Лотман (1996) рассматривал феномен границы в контексте изучения проблемы сюжета и художественного пространства произведения. Р. А. Зобов и А. М. Мостепаненко (1974) выделяли концептуальное и перцептуальное пространство.

Н. Т. Рымарь (2004; 2016) обращается к различным аспектам феномена границы в многочисленных литературных отражениях. Пространство порога он связывает с различными переживаниями и решениями героя в момент пересечения границы, на пороге жизни и смерти. М. В. Андриющенко (2019) рассматривает границы хронотопа и их размытие при сопоставлении реалий бытового и ирреального пространств. А. С. Поршнева (2015), изучая сюжетно-пространственный комплекс перехода границы между пространствами, приходит к выводу, что необходимым условием ее преодоления являются события «порогового» характера, а именно принесение жертвы. А. Н. Беларев (2019) обращается к анализу топоса границы в творчестве Пауля Шербарта, связывая основные мотивы и образы писателя с проблематикой пограничности. Г. А. Фролова (2018) анализирует пространственно-временные отношения в прозе Ольги Славниковой через изучение функционирования в ней хронотопических образов и мотивов. А. Н. Ушакова (2022) доказывает взаимосвязь хронотопа с разножанровыми текстами, что позволяет объяснить идеологическую позицию героя. О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова (2024) выявляют типы границ, репрезентированные в модернистской прозе 1910-1920-х гг.

Среди исследований творчества А. Н. Толстого наиболее важными были работы Э. Ф. Голлербаха (1927), В. Р. Щербины (1956), А. М. Крюковой (1990), Н. Ю. Петровской (2000), А. В. Федоровой (2004), Е. П. Лыновой (2006).

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецсеминарах, посвященных изучению творчества А. Н. Толстого.

Обсуждение и результаты

Повесть А. Н. Толстого «Гадюка» (1928) появилась в самый сложный период жизни писателя, когда он, не принявший революцию 1917 года в России, эмигрировал с семьей в Европу. Она вызвала достаточно широкий резонанс – ее не только обсуждали, но и в духе того времени даже устраивали суды над главной героиней – Ольгой Вячеславовной Зотовой, оценивали ее действия с социально-политической и классовой точки зрения.

Основой сюжета произведения А. Н. Толстого является рассказ о двух взаимосвязанных революциях – сломавших прежнюю систему ценностей человека – внешней (социальной) и внутренней. Борьба идей ведет к коренной перестройке общества, традиций и внутренней трансформации людей.

Прототипом главной героини Ольги Вячеславовны Зотовой явилась знакомая А. Н. Толстого (Т. Сикорская), которая, несмотря на дворянское происхождение, стала активным борцом за дело революции (Воронцова, 2020, с. 267).

В повести А. Н. Толстого «Гадюка» наиболее ярким и важным становится хронотоп границы (экзистенциальной, социальной, гендерной, личностной).

Первая жизнь Ольги Зотовой – до нападения грабителей – связана с топосом дома родителей. Планы героини не отличались оригинальностью – замужество, любовь, счастливая семья. Несмотря на то, что шла гражданская война, жизнь Ольги была по-прежнему беззаботной, ее мечты были связаны с идиллическими ценностями: «...муж – приличный блондин, я – в розовом пеньюаре, сидим, оба отражаемся в никелированном кофейнике. И больше – ничего!.. И это – счастье...» (Толстой, 1958, с. 25). Однако со времени мученической смерти родных от рук бандитов и пожара, уничтожившего родительское гнездо, на прошлом был поставлен крест: «Душа покрылась рубцами, как заживленная рана» (Толстой, 1958, с. 11). Мотив зверств связан с нечеловеческими муками родителей, которым ломали кости, со звериным криком матери перед смертью, зверьми называет Ольга бандитов. Эту границу можно считать экзистенциальной, поскольку сама героиня говорит, что ее убивали, но не убили. Чудом выжив, она переступает порог прежних ценностей, беспечальная бездумная молодость осталась у нее в прошлом.

Второй топос и вторая жизнь связаны с госпиталем и судьбоносной встречей с раненым кавалеристом, красным командиром Емельяновым, в облике которого автор также отмечает анималистические черты, выделяя его жесткие и жестокие серые ястребиные глаза. Госпиталь является «перекрестком» дорог. Зотова выбирает свою жизненную дорогу – путь революции, часть которого она пройдет вместе с Емельяновым. Сознание героини в этом эпизоде будет уместно сравнить с чистым листом. После событий, которые оборвали прошлую, буржуазную жизнь Ольги, переворот в мировоззрении был неизбежен, девушка в смятении доверилась человеку, который оказался красным командиром. Его разговоры, пропитанные коммунистическими идеями, закладывают совершенно новую модель мышления, и теперь Зотова обретает смысл жизни: «...борьба!» (Толстой, 1958, с. 25).

С точки зрения Емельянова, судьба Ольги могла измениться только в результате перенесенного ею насилия, которое было своего рода принесением жертвы или инициацией. Перспектива, которую рисует Емельянов

Ольге, – всемирная революция, в которой она поневоле примет участие: «Хочешь не хочешь – гуляй с нами» (Толстой, 1958, с. 13).

Топос тюрьмы появляется в повести с приходом в Казань белочехов и наветом бывшего гимназиста Вальки, бандита, убившего отца Ольги. Два месяца в заточении, где она металась, «как пума» (Толстой, 1958, с. 19), демонстрировали еще ее веру «высшим властям, справедливым, как бог» (Толстой, 1958, с. 19), но ночь, в которую она слышала дикие крики человека, которого пытали чехи, когда «человек мучил человека» (Толстой, 1958, с. 20), убила в ней «ее робкую надежду на справедливость» (Толстой, 1958, с. 20). Ненависть и мщение – вот выход, который Ольга нашла в этой ситуации. Когда белочехи повели Зотову на расстрел, она извивалась, «как кошка» (Толстой, 1958, с. 21), пытаясь укусить офицера. И вновь она преодолела экзистенциальный барьер – выжила, получив тяжелое ранение. Ее спас Емельянов, который нашел «старорежимного профессора» (Толстой, 1958, с. 22) и приказал ему вылечить девушку. Когда та пошла на поправку, командир сравнил ее по живучести с гадюкой (Толстой, 1958, с. 23). Она часто вспоминала свою прошлую, скованную «радужным ледком» (Толстой, 1958, с. 25), спокойную жизнь в достатке, которую разворотил пятифунтовой гирей Валька. «До ужаса тонок был этот ледок, а на нем ей мечталось построить благополучие...» (Толстой, 1958, с. 25). До переломного момента личность героини будто находилась в статике, «ледок» сковывал, но и защищал нежную плоть, словно панцирь, а когда разбился, мир вынудил превратиться в изворотливую змею, которая может больно ужалить: «Под ледком таилась пучина...Хрустнул он – и жизнь, грубая и страстная, захлестнула ее мутными волнами...» (Толстой, 1958, с. 25).

Емельянов обещал взять Ольгу к себе вестовым, и она была рада этому. Прошлая жизнь, демонстрирующая признаки идиллического «приятного места» (луга, сосны, река, дача, колокольный звон, весенняя тревога, облака), казалась ей сном: «Новое платье к рождественским праздникам, святочная влюбленность в студента, наряженного Мефистофелем, его рожки из черной саржи, набитые ватой...» (Толстой, 1958, с. 24).

Главным переломным моментом сюжета является битва на мосту. Мост олицетворяет экзистенциальную границу, переход, это дорога либо вперед, либо в смерть. Экзистенциальный вид хронотопа границы выполняет не только пространственную, сюжетобразующую функцию, но и психологическую, передавая эмоциональное состояние героини, у которой происходит смена жизненной парадигмы.

В ноябре Зотова вышла из больницы, но в городе не было у нее ни родных, ни знакомых, поэтому Емельянов, как только получил ордер на жилую площадь, сразу же заселил Ольгу в дом. Это был не просто дом, а особняк с колоннами и зеркальными окнами, расписными потолками, золоченой мебелью и хрустальной люстрой. Все это великолепие раньше принадлежало семье богатого купца. В судьбе этого особняка можно увидеть историю целой страны в период гражданской войны. Емельянов резко, громко «ударом ноги отворял двустворчатые двери» (Толстой, 1958, с. 26). Он без сожаления разломал дубовый орган во всю стену и затопил его обломками камин. Когда Ольга перешагнула порог этого особняка вместе с красным командиром, она преодолела социальный порог, теперь героиня была не дочерью знатного купца, а красным солдатом, товарищем Зотовой. Этот диссонанс останавливает время в особняке. Сутки текут размеренно, рассказчик не заостряет внимание на том, что делает героиня, действие начинается лишь тогда, когда приходит Емельянов. Когда Дмитрия нет – Ольга фактически не живет, так как на данный момент этот человек и есть ее жизнь.

Преодолевая личностный порог, Ольга Вячеславовна превратилась в диаметрально противоположную себе личность – изменилось ее мировоззрение: она юеет на стороне красных, хотя происходит из богатой семьи, с презрением и ненавистью вспоминает она о себе «старой», употребляя при этом грубую лексику: «Ненавижу эту девчонку... Счастья ждала, ленивая дура! Вот сволочь!...» (Толстой, 1958, с. 26).

С наступлением зимы – времени, которое часто связывают со смертью, Ольга переступает гендерный порог – с одной стороны, она умирает, как женщина, утратив женственность и мягкость, и превращается в красного кавалериста: «обстригла волосы <...> За женщину ее мало кто признавал» (Толстой, 1958, с. 32), она носила кавалерийский полушубок, синие с красным кантом штаны и щегольские сапожки, подаренные Дмитрием Васильевичем, могла пить автомобильный спирт, когда надо, ругалась не хуже других, крыла матом, сделала татуировку на руке, для всех была «только братишкой» (Толстой, 1958, с. 32). Бойцы считали ее женой Емельянова, так было удобнее для нее, девицы, – никто не приставал, хотя она была красива, и бойцы заглядывались на нее.

С другой стороны, женское начало жило в ней вместе с жадной любви и девичьей стыдливостью, которую она не могла побороть, когда бойцы купались нагишом. С обнаженным телом связаны переживания героини и Емельянова, который увидел ее обнаженной у колодца. Дмитрий Васильевич строго следил за здоровьем и опрятностью эскадрона, поэтому они часто купались в речках и обливались холодной водой. После того случая Емельянов спал не вместе с Ольгой в одной кровати, а на полу рядом, да и в их отношениях исчезла простота, но Зотова была пьяной от счастья. Невозможность полного перехода гендерного порога можно объяснить явлениями внешнего плана – гражданской войной и революцией. Женское счастье недоступно для Ольги, так как идут бои и нет времени на личную жизнь, отношения с Емельяновым ограничиваются поцелуями, а далее – гибель командира. Любовь и смерть идут рука об руку. Дмитрий Васильевич умер, Ольга опять осталась в живых. Зотову награждают золотой брошью, символично, что эта брошь представляет собой пронзенное стрелой сердце, но командование решает, что надо оставить только стрелу, а сердце – изъять. Так и у Ольги с гибелью Емельянова вырвано сердце, осталась только борьба.

Наиболее ярко противоречия героини, первоначально превратившейся в бойца Красной армии и пренебрегшей своей женской сущностью, связанные с неполным преодолением гендерного порога, прослеживаются

во время ее третьей, уже мирной жизни. Приехавшая в Москву в юбке из зеленой плюшевой занавески, она преобразуется в отчаянно красивую, модно одетую девушку (свою одежду она воспринимает как новую кожу – отсылка к образу змеи), вызывающую пристальный эротический интерес у мужчин, однако безответная любовь к директору Махорочного треста, женившегося на соседке Зотовой, пишбарышне Сонечке Варенцовой, окончательно разрушила ее мир, как и нападки на нее соседней по коммунальной квартире, бесосновательно обвинявших ее во всех смертных грехах. Любимый мужчина поверил наветам на Ольгу, уничтожив в ней надежду быть просто женщиной, предложив выкинуть из головы мечты о шелковых чулочках и пудре и остаться только «товарищем». Примечательно, что вид гендерного хронотопа границы демонстрирует интегрирующую функцию, показывая неразрывность природного женского начала в героине с неизбежными трансформациями ее личности под воздействием как социальных причин, так и личных обстоятельств.

Ощувив усталость от жизни, полное непонимание и клевету окружающих – «одна, одна в дикой, враждебной жизни, одинока, как в минуту смерти, не нужна никому...» (Толстой, 1958, с. 66), Ольга берет со стены пистолет (о нем упоминается на первых страницах повести – «револьверчик над кроватью» (Толстой, 1958, с. 5), а раз он там находится, то должен в итоге выстрелить – что и происходит), намереваясь, скорее всего, покончить с собой, но появление Варенцовой вызвало такой приступ дикой ненависти к клеветнице, что «Ольга Вячеславовна выстрелила и – продолжала стрелять в это белое, заметавшееся перед ней лицо...» (Толстой, 1958, с. 67).

Основная оппозиция повести выявляет противопоставление человеческого и животного начала в индивидуе и демонстрирует проницаемость этой границы, поднимая проблему идентичности («Я» – «не Я») и запуская процесс поиска сходства и различия, чем выявляет символическую сущность анималистических образов. Уже в самом названии повести «Гадюка» заявлена тема самоидентификации, отношения «Я» – «Другой». Этот другой (например, гадюка) является воплощением чего-то табуированного или маргинального, вокруг чего строятся нарративы, которые и придают ему символическое значение. В связи с этим встает вопрос – является ли животное средством самоидентификации человека.

Несмотря на пояснения самого автора, отвечавшего на негодование писем читателей, которые обвиняли его в том, что он не захотел «до конца перевоспитать Ольгу, поднять ее до высоты, когда она знала бы, за что дралась в 1919 году... когда задачи революции стали бы для нее выше ее личных дел» (Толстой, 1958, с. 69), А. Н. Толстой изобразил героиню в сложной и противоречивой ситуации ломки старого мира и зарождения нового, однако человек каким был, таким и остался – Валькой, в структурах которого доминирует звериная сущность – только в иных обличиях. Сонечка, образ которой может рассматриваться как возможный двойник Ольги (в ее первоначальной ипостаси дочери богатого купца), и другие соседи по коммунальной квартире разрушают остатки человеческого в Ольге, сами являясь носителями животного начала. В зависимости от точки зрения – автора или героя – соседи Ольги по коммунальной квартире связываются с теми или иными анималистическими или бестиарными образами: Марья Афанасьевна, портниха, называет ее ползучей гадиной (Толстой, 1958, с. 66), «клейменной» (Толстой, 1958, с. 3) – это определение также относится к скоту, лицо молодой девушки пренебрежительно сравнивает с мордой (Толстой, 1958, с. 58), приписывая походя героине несуществующую постыдную болезнь: «Безусловный люис...» (Толстой, 1958, с. 58). Петр Семенович Морш, как и Владимир Львович Понизовский, называет Зотову гадюкой (Толстой, 1958, с. 58, 62, 65). Сам Владимир Львович похож на блеющего баранчика (Толстой, 1958, с. 66).

С точки зрения автора, талия Ольги тонкая, «как у осы» (Толстой, 1958, с. 7), ее каштановые волосы блестят, «как черно-бурый мех» (Толстой, 1958, с. 55), сама Ольга Вячеславовна часто чертыхается (Толстой, 1958, с. 65), вызывая в памяти бестиарные образы врага человеческого. Примечательно, что Ольга воспринимает себя, в отличие от окружающих, не как пресмыкающееся, а как птицу, она ощущала себя воробьем, залетевшим в механизм башенных курантов (Толстой, 1958, с. 52).

Емельянов, думая об Ольге, называет ее горячей лошадкой (Толстой, 1958, с. 13), пумой (Толстой, 1958, с. 19), живучей, как гадюка (Толстой, 1958, с. 23), в отличие от ее второго возлюбленного, директора Махорочного треста, которому автор не дает даже имени, воспринимающего ее по лживым рассказам Сонечки Варенцовой. Он сравнивает Ольгу опосредованно с эфемеридой, однодневкой (Толстой, 1958, с. 61), которая живет только сегодняшним днем, а реагируя на критику в стенгазете, которую выпускала Зотова, употребляет фразеологизмы, связанные с анималистическими образами: «Изображайте меня в хвост и в гриву, я не против...» (Толстой, 1958, с. 60); «Больно укусить побоялись, а твякнули – по-лакейски...» (Толстой, 1958, с. 61). Подобное восприятие героини, прошедшей сложный путь, полностью противоречит жизненной правде, но характеризует избранницу директора, ставшую его женой, – Сонечку.

Композиция повести кольцевая – изображение настоящего прерывается событиями прошлого, а в последней главе автор вновь возвращается к настоящему и оставляет финал открытым. В основном действие происходит либо рано утром, до полного восхода солнца, либо в сумерках наступающей ночи, такие пограничные состояния времени суток напрямую отражают эмоциональное и моральное состояние героини.

Анализ хронотопа границы позволил выявить трагизм мировосприятия А. Н. Толстого, темы революции и тех изменений в судьбе и мировоззрении героев повести, которые связаны с ломкой привычного порядка вещей.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что в повести А. Н. Толстого «Гадюка» присутствуют такие типы хронотопа границы, как экзистенциальный, социальный, личностный и гендерный. Организация

пространственно-временных отношений раскрывает состояние и личность героини в полной мере. Пороги, которые Зотова преступает по ходу сюжета, кардинально меняют ее. Отличительной чертой повести является то, что ни в одном пространстве или сложившейся ситуации героиня не чувствует себя комфортно. Демонстрируя тип социального и личностного хронотопа границы, принцип нерасчлененности «Я» – «не Я» Ольги наблюдается в прорыве внутреннего внешнего и наоборот: Ольга – барышня, дочь богатого купца и Ольга – вестовой красного отряда, Ольга – боец и Ольга – чиновник в тресте, Ольга – «братишка» и Ольга – влюбленная девушка, Ольга – девица и Ольга – женщина с низкой социальной ответственностью. Автор ставит вопрос об идентичности героини, и оказывается, что она настоящая и счастливая только в нереализованной любви к Емельянову – короткой и платонической. Рамки порогов раздвигаются ходом революционных событий и событий мирной жизни. Возвращение героини к гендерным первоисточкам, к женственному всячески натывается на преграды со стороны общества – любимый, соседи, сослуживцы, используя в качестве оружия клевету, сплетни, насмешки, издевательства, превращают Ольгу в убийцу, возрождая в ее душе ярость и мщение как цель жизни.

Граница – это самостоятельное пространство, выполняющее следующие функции – сюжетобразующую, пространственную, психологическую и интегрирующую. Граница размывается и расширяется. Сюжетобразующая функция хронотопа границы в повести способствует моделированию повествования в произведении, обеспечивая целостное восприятие художественной действительности, организации структуры, и, что немаловажно, формированию художественного смысла. Отражая кризис общественного сознания, граница выполняет не только пространственную функцию, но и отражает психологическую трансформацию героя, изменение его статуса – как социального, так и личностного. Интегрирующая функция связана с реализацией гендерного типа хронотопа границы.

Перспективы дальнейших изысканий видятся нам в том, что повесть А. Н. Толстого может быть изучена с точки зрения исследования роли пространственной границы в развитии конфликта, кроме того, выделенные типы хронотопа границы могут стать основой при изучении пространственно-временных отношений в творчестве других писателей.

Источники | References

1. Андрищенко М. В. Граница или «безграничие»: к вопросу хронотопа «проклятого» места в повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 8-2.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986.
3. Беларев А. Н. Топос границы в художественном мире Пауля Шеербарта: дисс. ... к. филол. н. М., 2019.
4. Воронцова Г. Н. Татьяна Сергеевна Сикорская – прототип главной героини повести А. Н. Толстого «Гадюка»? // Новые российские гуманитарные исследования. 2020. № 15.
5. Голлербах Э. Ф. Алексей Н. Толстой: опыт критико-библиографического исследования. Л.: Издание Э. Голлербаха, 1927.
6. Зобов Р. А., Мостепаненко А. М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: сб. ст. Л.: Наука, 1974.
7. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
9. Лынова Е. П. Эстетика державности в прозе А. Н. Толстого: автореф. дисс. ... к. филол. н. Армавир, 2006.
10. Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П. Функциональная роль границы в жанровой традиции романа воспитания (на материале модернистской прозы 1910-1920-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1.
11. Петровская Н. Ю. Концепция личности и истории в творчестве А. Н. Толстого: дисс. ... к. филол. н. Бирск, 2000.
12. Поршнева А. С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Бегство на север» // Филология и человек. 2015. № 2.
13. Рымарь Н. Т. О функциях границы в художественном языке // Граница как механизм смыслопорождения / науч. ред. Н. Т. Рымарь. Самара: Самар. гуманит. акад., 2004. Вып. 2. Граница и опыт границы в художественном языке.
14. Рымарь Н. Т. Поэтика границы в литературе. Эстетические и поэтологические аспекты проблемы границы как феномена художественного языка. Седльце: Изд-во Естественно-гуманитарного университета в Седльце, 2016.
15. Ушакова А. Н. Система хронотопов в романе «Зависть» и пьесе «Список благодетелей» Ю. К. Олеси // Philologos. 2022. № 4 (55).
16. Федорова А. В. Персонажно-топологические характеристики образа России в ранней прозе А. Н. Толстого: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вологда, 2004.
17. Фролова Г. А. Проза Ольги Славниковой: специфика пространственно-временной организации: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2018.
18. Щербина В. Р. А. Н. Толстой. Творческий путь. М.: Сов. писатель, 1956.

Информация об авторах | Author information**RU****Анисимова Александра Наумовна**¹, к. филол. н.**Ефремова Юлия Ивановна**², к. филол. н., доц.¹ Московский городской педагогический университет (филиал) в г. Самаре² Самарский государственный экономический университет**EN****Alexandra Naumovna Anisimova**¹, PhD**Yulia Ivanovna Efremova**², PhD¹ Moscow City Pedagogical University, Samara branch² Samara State University of Economics¹ 88763@mail.ru, ² yul-efrem@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 10.06.2024; опубликовано online (published online): 25.07.2024.

Ключевые слова (keywords): повесть А. Н. Толстого «Гадюка»; типы хронотопа границы; функции хронотопа границы; оппозиция «человеческое – животное»; the story of A. N. Tolstoy "The Viper"; types of the chronotope of the border; functions of the chronotope of the border; opposition "human – animal".